

16+

Рина Когтева

АКРОПОЛЬ

Рина Когтева

Акрополь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Когтева Р.

Акрополь / Р. Когтева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2052-5

На окраинной планете Оранд происходит убийство. Расследуя это дело, детектив Джон Эллис понимает, что оно связано с событиями, произошедшими много лет назад на таинственной планете Акрополь. Но какие силы были разбужены на Акрополе? Что теперь происходит на Оранде? Война человеческих сверхдержав? Или вторжение могущественного инопланетного разума?

ISBN 978-5-5321-2052-5

© Когтева Р., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

МАРТ 531 ГОДА ОТ БОЛЬШОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

*Колония Военной Стратегии СолаС Оранд, куб 23
Космопорт, Экваториальные территории*

Джон Эллис смотрит, как на взлетно-посадочном поле приземляется каплеобразный серебристый корабль. Эллис жуёт во рту сигарету, не прикуривая – на такой жаре сама мысль о курении вызывает тошноту. Наверное, это первый случай в жизни Эллиса, когда его тошнит при мысли о сигарете. Ну и что, думает он, все случается когда-нибудь в первый раз, вот, например, в колонию Оранд прилетает военный Статс-прокурор. Если бы Эллису сказали об этом месяц назад, он бы долго смеялся. Сейчас он не смеется.

Медленно открывается люк, и из корабля появляется фигура в бликующем сером комбинезоне. Эллис прищуривается, не показалось – фигура женская. Он еще раз смотрит на бумагу, которую держит в руках. От жары краска расплывается, но все еще можно различить: «Статс-прокурор Военной Стратегии СолаС полковник Шат Гайлес». Интересно, думает Эллис, когда они там, в центре галактических событий, дают имена своим детям, они не задумываются над тем, что по этим именам невозможно определить, какого пола человек? Эллис прищуривается, глядя на фигуру, которая медленно идет к нему по взлетному полю.

– Вот тебе и номер, – хмыкает рядом Джек Картер, – повезло тебе, Эллис.

– Спасибо, Джек, – Эллис достает из кармана железную фляжку и делает из нее глоток. По телу пробегает жар, зрение мутнеет, наступает долгожданное спокойствие.

– Как ты можешь пить на такой жаре? – интересуется Картер.

Эллис не отвечает. Нормально он может пить. Без проблем. От асфальта поднимается марево. Эллис замечает, как над взлетным полем медленно парит птица. Мгновение – и птица исчезает в яркой вспышке – срабатывает система безопасности космопорта. Эллис морщится.

Статс-прокурор Гайлес останавливается в полутора метрах от него. У нее идеальное лицо с идеальной фарфоровой кожей, идеальные ровно подстриженные белые волосы доходят до плеч, идеальную фигуру можно использовать как эталон для пошива одежды. Яркие синие глаза смотрят на Эллиса, он смотрит в них и молниеносно трезвеет. У Статс-прокурора мертвые холодные глаза. Эллису на мгновение становится жутко.

– Кто вы?

– Джон Эллис, – выдавливают он, – старший следователь по особо важным делам полицейского управления Каледонии.

Глаза Статс-прокурора мутнеют. Эллис понимает – она подключается к военной базе данных: «Джон Эллис, 39 стандартных лет, с 515 года БР по 524 год БР следователь по особо важным делам полицейского управления области Каледония колонии Военной Стратегии СолаС Оранд, с 524 года БР по настоящее время старший следователь по особо важным делам полицейского управления области Каледония колонии Военной Стратегии СолаС Оранд. В 528 году БР награжден знаком отличия за добросовестную службу. К военной службе не привлекался. В качестве гражданского лица в военных конфликтах участия не принимал». Это самое малое из того, что сейчас видит Гайлес. Скорее всего, она узнает о нем гораздо больше. Например, то, что его четыре раза хотели уволить за пьянство, или то, что на него написала заявление за преследование бывшая жена. Эллис почти уверен, что интеллект, скрывающийся за идеальными синими глазами, только что узнал о нем гораздо больше, чем он знает о себе сам.

– Я так понимаю, что работать со мной будете именно вы? – спрашивает Гайлес.

Эллис кивает. Да, именно его сочли – по каким-то странным причинам – достаточно надежным, чтобы быть мальчиком на побегушках у Статс-прокурора.

– Хорошо, – Гайлес переводит взгляд на Картера. – А это кто?

– Я... – Картер открывает рот, чтобы ответить.

– Никто, – перебивает его Эллис, – вам ведь ни к чему запоминать лишние имена, правда же?

Гайлес криво улыбается.

Да уж. Дело обещает быть интересным.

Пока они летят от расположенного в экваториальных широтах космопорта до столицы Каледонии города Дориак, Эллис размышляет о том, почему именно Статс-прокурора прислали в ответ на их рапорт в Доминат, столицу Военной Стратегии СолаС. Статс-прокурор – по сути человек, который занимается расследованием военных преступлений, в основном они взаимодействуют с контрразведкой, разбирают вопросы превышения полномочий и прочее. На уровне Статс-прокурора – это как минимум потеря эскадры в военно-космических силах или потеря дивизиона наземными войсками. Почему на богом забытый Оранд присылают такую важную птицу? Эллис краем глаза следит за Гайлес, она смотрит в пустоту. Военная прокуратура – сверхлюди, их головы наполовину состоят из автоматики, им достаточно доли секунды, чтобы получить любую информацию. И еще они могут силой мысли вызвать эскадру и отдать приказ об уничтожении планеты. Как минимум, следует позаботиться о том, чтобы Шат Гайлес разместили с максимальным комфортом.

– Вы хотите отдохнуть после полета? – спрашивает Картер, который отчаянно пытается привлечь внимание Статс-прокурора.

– Я хочу ознакомиться с делом, – отвечает Гайлес.

Эллис чуть заметно улыбается.

– Мы доставим ваш багаж... – продолжает Картер.

– У меня нет багажа, – отрезает Гайлес.

Конечно, у нее нет багажа, она не собирается задерживаться в такой глуши дольше, чем на пару дней.

– В таком случае, если вам что-то понадобится, то я всегда в вашем распоряжении.

Резиновая улыбка Картера становится подобострастной. Шат Гайлес моргает. Проходит секунда, и в кармане Картера звонит телефон, он смотрит на экран, хмурится и мямлит:

– Простите, Статс-прокурор... – он поднимает трубку. – Следователь Картер, сэр, – Да, сэр... Но... Да, сэр.

Эллис слышит громкие короткие гудки. Весь оставшийся полет Картер молчит. Два часа они проводят в полной тишине. Эллис смотрит в иллюминатор, сначала на зеленое полотно экваториальных джунглей, потом на великую пустыню, потом на синюю гладь океана и, наконец, на серые облака, скрывающие Каледонию. Корабль медленно снижается, и, когда он проходит сквозь пелену облаков, Эллис видит яркие ленты эстакад, пронизывающих город Дориак. Ему кажется, что даже сквозь толстые стекла он слышит шум проносящихся автомобилей. Неоновые огни зданий становятся ближе, они отражаются в широких окнах и отбрасывают блики на мокрый асфальт. Оранд – окраина Военной стратегии СолаС, война здесь не идет уже давно, но иногда Эллису кажется, что за это Оранд заплатил ценой вечного полумрака Каледонии. Эллис смотрит на Гайлес и видит, что она улыбается.

Корабль приземляется прямо на крыше полицейского управления, открывается дверь, и в кабину врывается мелкий холодный дождь. Гайлес выходит первой. Эллис хватается Картера за рукав.

– Что он тебе сказал? – спрашивает Эллис, имея в виду телефонный разговор.

– Сказал, что я отстранен от расследования, – мрачно отвечает Картер. – Это ее рук дело, – он кивает в сторону Гайлес.

Да, думает Эллис, это точно ее рук дело, без указания сверху никто не сможет отстранить любимчика начальства Картера от самого важного дела за всю историю Каледонии. Эллис видит, что Статс-прокурор уже вошла в кабину лифта. Кажется, будет интересно.

Картер остается на крыше. Эллис входит в кабину следом за Гайлес, он нажимает кнопку, и лифт медленно едет вниз. Помня об ошибке Картера, Эллис даже не пытается заводить вежливую беседу. Двери лифта открываются на двадцать втором этаже, весь этот этаж специально подготовлен для Статс-прокурора: несколько кабинетов, комнаты для допросов и даже специально оборудованный холодильник, в котором лежит тело. Гайлес пропускает его вперед, Эллис проходит несколько метров по коридору и открывает перед ней дверь. В комнате свежестыканные серые стены, панорамное окно, за которым сияют дождливыми огнями ночной Дориак, посередине стоит широкий стол для переговоров, на стене висит огромный экран с эмблемой полицейского управления Каледонии.

– Вы знаете детали? – спрашивает Эллис.

– В общих чертах, – отвечает Гайлес, – этому делу был присвоен сверхсекретный гриф. Мы не запрашивали подробные материалы, чтобы информация не вышла за пределы Оранда.

Эллис удивляется, но виду не подает. Гайлес садится в кресло и закидывает ногу на ногу, она придвигает к себе стопку чистой бумаги и берет ручку.

– Дело, – Эллис нажимает на кнопку пульта, на экране появляется фотография.

Все ожидаемо – на фотографии труп. Мужчина лет тридцати, лежит на спине, руки и ноги вывернуты под неестественными углами. Фоном для снимка служит желтоватый песок.

– Теодор Верц, – начинает Эллис, и на экране появляется фотография из личного дела, у него светлые волосы, бледное вытянутое лицо и усталый взгляд бесцветных глаз, – врач общей практики госпиталя Святой Елены в Дориаке, Каледония. Тело найдено на территории пустыни Уасет в четырех с половиной тысячах километров от Дориака. Вскрытие провести не удалось, потому что по заключению врачей внутренности Верца превратились в твердую горную породу. Геологи говорят, что это гранит.

Гайлес рисует круги на листе бумаги.

– Дальше, – просит она.

– Верц исчез 7 февраля, 15 февраля метеорологический спутник сообщил об обнаружении человеческого тела. 16 февраля тело Верца было доставлено в Дориак. Госпиталь Святой Елены, где он работал, заявил о его исчезновении 11 февраля, родственников у него не было. По факту обращения провели стандартную проверку, но фактически делу не был дан ход, потому что в указанный период не было зафиксировано криминальных преступлений, жертвы которых походили бы на Теодора Верца. После обнаружения тела мы опросили персонал госпиталя: никто не отметил ничего необычного в поведении Верца, в последний раз его видели 7 февраля около 23:00, когда он закончил вечернюю смену. За последнее время никаких инцидентов в госпитале не происходило. Мы проанализировали данные со спутника. В период с 7 по 15 февраля ни одно транспортное средство не находилось на территории Уасет. У нас нет объяснения тому, как именно тело Верца оказалось в пустыне, и каким именно образом он был убит. Поэтому мы послали отчет в Доминат. Вот, собственно, и все.

На экране живого Теодора Верца снова сменяет мертвый Теодор Верц.

– Я бы хотела осмотреть труп, – говорит Гайлес.

– Конечно, – Эллис открывает дверь, – мы оборудовали морг на этом же этаже.

Оборудовали – это громко сказано, на самом деле морг представляет собой наспех принесенный холодильник и стол патологоанатома. Рядом со столом зачем-то лежат аккуратно разложенные медицинские инструменты. Эллис, честно говоря, очень сильно сомневается в том, что Шат Гайлес будет вскрывать труп сама. Он открывает холодильник и выдвигает поддон с телом.

Теодор Верц лежит на холодном металле, лицо у него такое, как будто бы он умер в полном спокойствии в кругу семьи, прожив достойную и долгую жизнь. Его грудная клетка распорота, под ней виднеется красноватый гранит, повторяющий форму тела. Руки уложены вдоль

туловища, и только чуть заметные неестественные изгибы говорят о том, что кости сломаны в нескольких местах. Гайлес не подходит к телу близко.

– Гранит изучили? – спрашивает она.

– Да, – отвечает Эллис, – типичная порода, выходы которой встречаются на территории Уасет.

– Почему тело не разложилось?

– Еще одна загадка. Днем температура в пустыне достигает пятидесяти градусов, от момента его обнаружения до момента доставки к нам прошло около суток.

Гайлес молчит.

– На что это похоже, Статс-прокурор? – рискует спросить Эллис.

Он ждет, что у него в кармане зазвонит телефон, и он больше никогда ничего не узнает о деле Теодора Верца, но Гайлес отвечает ему:

– Понятия не имею, господин Эллис.

Она выходит из морга и возвращается в комнату с экраном. Эллис следует за ней. Гайлес не садится, она опирается руками о спинку кресла и пристально смотрит на изображение тела. Взгляд ее при этом сфокусирован на экране, из чего Эллис делает вывод, что она находится здесь и сейчас, а не в виртуальном пространстве данных и запросов.

– Вы, конечно же, удивлены тем, что этим делом заинтересовалась Военная прокуратура, – через несколько минут произносит она.

– Не без этого, – осторожно отвечает Эллис.

– Я объясню, – Гайлес поворачивается к нему. – То, что здесь произошло, было произведено с использованием технологий, которыми не располагает Военная стратегия СолаС, очевидно предположить, что имеет место вмешательство некоей иной стороны.

– Альдебаранцы? – глаза Эллиса расширяются.

Гайлес фыркает.

– Зачем альдебаранцам лететь в глубокий тыл СолаС, похищать незаметного врача и ни с того ни с сего его убивать? Они скорее уж превратили бы в камень пару наших крейсеров.

– Я просто предположил, – Эллис примирительно поднимает руки. – Если не они, тогда кто?

– А у вас здесь много инопланетян? – Гайлес криво улыбается.

– Ну послушайте, не могут же это быть Санктумы...

– Эллис, я повторяю свой вопрос: у вас тут так много инопланетян, чтобы выбирать? Чем занимался этот Верц в госпитале?

Эллис подходит к компьютеру, вызывает интерфейс, и на широком экране появляется информация о Теодоре Верце из госпиталя Святой Елены.

– Он был хирургом, – отвечает Эллис.

– А что собой представляем сам госпиталь?

– Черт... – шепчет Эллис.

Сам не понимая, что он делает, Эллис достает из кармана сигарету и закуривает, потом спохватывается, смотрит на Гайлес, но та небрежно кивает головой. Эллис не тушит сигарету.

– Госпиталь Святой Елены – единственная больница, которая принимает тех, кого изгнали из общин Санктумов. Неофициально, конечно. Госпиталь существует на пожертвования, и его руководство утверждает, что не в курсе статуса граждан, которые к ним поступают.

– Те-кто-не-в-списках, – почти скороговоркой произносит Гайлес.

– Да, – Эллис кивает, – те, кто не в списках.

МЕСЯЦЕМ РАНЕЕ

ФЕВРАЛЬ 531 ГОДА ОТ БОЛЬШОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

*Колония Военной Стратегии СолаС Оранд, куб 23
Дориак, область Каледония*

Лиза Карранса не помнила тот день, когда ее включили в Списки. Никто из тех, кого она знала, не помнил. Было только смутное воспоминание о Посвящении: белый свет, яркие фигуры Знающих, волшебный момент, когда на твоём плече появляется знак...

Все, что связано со Знающими, всегда связано с ярким светом и ощущением восторга. Их всех с детства учили испытывать счастье при виде Знающих... Именно так: «испытывать счастье». Она вспомнила, как в первый раз увидела своего Знающего – своего Хозяина. Первый Знающий, которого ты видишь – это всегда твой Хозяин. Ты сразу понимаешь, что это именно он, и даже в первое свое знакомство со Знающими, когда ты еще не умеешь различать их вытянутые долговязые фигуры, всегда залитые ярким свечением, ты уже понимаешь, кто из них твой Хозяин. Хозяин будет с тобой всегда, он будет заботиться о тебе, учить тебя, разговаривать с тобой. Иногда он будет исчезать, но ты всегда можешь рассчитывать на то, что если тебе понадобится помощь, Хозяин откликнется. Хозяин может быть только один. Вы будете вместе, пока вы не умрете. Или пока не умрет Хозяин.

Таков закон. Таково условие включения в Списки.

Лизе отношения со Знающими всегда казались немного странными: у них не было имен, но когда те, кто были в Списках, разговаривали друг с другом, то всегда понимали, о каком именно Знающем идет речь. Иногда после долгого общения с Хозяином, Лиза начинала слышать мысли других людей. Временами это длилось даже день или два, а потом неожиданно прекращалось, как будто кто-то поворачивал невидимый выключатель в ее голове. Иногда Лизе казалось, что у нее в голове действительно был выключатель.

Лет до шестнадцати все они жили в пансионе, учились, получали навыки тех профессий, которыми хотели бы овладеть, примерно раз в месяц они встречались с Хозяевами. Потом наступал момент, когда они переходили на службу. Это было время полное чудес. Первым и самым прекрасным чудом было то, как ты попадал к Хозяину: большой железный куб со стенами, испещренными символами, который закрывался, а потом, когда его снова открывали, то ты оказывался в другом месте. Конечно, это была не магия, не чудо, а просто машина, приручившая законы физики, но все равно, впервые прикоснувшись к чему-то столь явно относящемуся к другому миру, ты понимал, сколько еще тебе необходимо узнать и постигнуть. Лиза тогда к своему стыду испытала не восторг или трепет, а страх. Те несколько мгновений, пока она была заперта внутри куба, показались ей вечностью: стены давили на нее, воздух казался спертым, было трудно дышать. Но потом дверь открылась, и она оказалась в стране чудес.

Говорят, что раньше у людей был Бог, в которого они верили, у разных народов он носил разные имена, иногда богов даже было несколько, но их всегда боялись, любили, мечтали их увидеть и относились к ним с безмерным уважением. Если бы кто-то из людей тогда оказался в жилище своего бога, то он бы понял, что испытывает человек, приступивший к службе у Хозяина. Потом первый восторг проходил. На службе у Хозяина исполнять приходилось мелкие незначительные поручения: что-то кому-то передать, что-то куда-то отнести. Попутно они продолжали свое образование, но уже больше применяя знания на практике: пробовали в действии изученные на уроках машины.

Лиза навсегда запомнила тот день, когда впервые посмотрела в окно жилища ее Хозяина. Однажды она случайно выключила искусственные картины и со смесью ужаса и восторга смотрела на то, что открылось ее глазам: великая пустота космического пространства, ожерелья звезд и галактик, облака сумрачной звездной пыли. Зрелище захватило ее, но еще больше ее поразило осознание того, что если у людей когда-то и были боги, то они должны были обитать именно в таком месте, в вечной пустоте.

Два года она провела у Хозяина, потом вернулась обратно.

Из-за поворота появилось огромное мраморное сооружение, испещренное знаками на языке Знающих. Эти письма рассказывали об их величии, безмерном великодушии и сострадании к людям. В школе тех, кто был в Списках, заставляли учить эти письма наизусть, и Лиза до сих пор их помнила. К зданию вела широкая лестница, каждая из ее ступеней символизировала этап на пути к Знанию. Знающие называли ее лестницей Философии. Как это понимала Лиза, Философия была одним из их столпов, каждый Знающий владел всеми ее тонкостями в совершенстве, которого человек никогда не достигнет. Высшие существа. Боги, если люди действительно когда-то верили в богов.

Темное небо было затянуто тучами, налетел неожиданный порыв ветра, а потом наступила почти совершенная тишина. Лиза начала подниматься. Лестница состояла из пятидесяти восьми ступеней, и те, кто был в Списках, в своем обучении проходили ступень за ступенью по мере того, как постигали священные знания. Говорят, что лучший добрался до двадцать первой ступени, выше не удалось подняться никому, потому что человеческая жизнь слишком коротка, чтобы постичь Философию в ее полной мере. Знающие, конечно, овладевали всеми ступенями еще в начале своей жизни. Иногда понимание этого вызывало у Лизы странную злость. Почему человек не может достичь того, чего может достичь Знающий? Она держала эти мысли при себе. Впрочем, сейчас она вполне могла бы сказать это вслух, потому что ей уже никогда не подняться выше двенадцатой ступени лестницы Философии. Такие незрелые размышления, наверное, вполне соответствуют этому уровню.

Лиза грустно улыбнулась, но не стала задерживаться на каждой ступени, как это делали падшие до нее. Да, Лиза знала, что делали другие падшие, потому что раз или два она наблюдала за теми, кто проходил свой последний путь по лестнице, иногда даже за кем-то, кого она знала по собраниям тех, кто в Списках. В основном все были готовы к этому моменту: этому учат в самом начале, говорят, что такой день может наступить, и нужно встретить его с покорностью и с достоинством. Но не всем это удавалось. Некоторые падшие плакали, многие подолгу стояли на ступенях лестницы.

Лиза поднялась на площадку перед огромной аркой входа, она не поддавалась искушению оттянуть неизбежное хотя бы на несколько минут и сделала шаг вперед. В глубине исполинского зала она увидела сияние, которое могут излучать только Знающие. Лиза подходила все ближе, и перед ней из темноты возникало все больше и больше ярких фигур. Они были залиты светом, который излучали их тела, Лиза иногда ловила себя на мысли, что даже не знает, есть ли у них лица: угадывались смутные очертания голов, руки, ноги, но никогда не было видно лиц. Знающие стояли полукругом вокруг знака на полу. Этот знак имел два значения: прощение и служение. Он был основой для того знака, который носила Лиза и каждый из тех, кто был в Списках. Лиза остановилась в центре знака. Знающие разделились, и один из них оказался прямо перед ней. Лиза попыталась поймать его очертания сквозь свет, но как всегда уловила лишь легкую призрачную тень. Лиза разорвала рубашку на левом плече так, что стал виден ее знак.

– Мы здесь в час скорби, когда один из нас покинул этот мир, – произнес Знающий.

Лиза кивнула, она заметила, что Знающие вокруг нее тоже кивают.

– Он был хорошим господином и Хозяином, – продолжал Знающий, – и долг обязывает нас отдать ему последние почести, – и снова кивки в тишине. – Тем самым мы говорим о том, что ни мыслью, ни поступком не посягнем на его имущество, и мы перечеркнем его знак как дань скорби и уважению.

Знающие говорят ритуальные слова, которые человек не может произнести. Лиза сжимает зубы, она знает, что боли не будет – ведь не было же больно, когда ей нанесли знак. Боль была не физической.

Вспышка. Легкое покалывание в предплечье. Больше ничего. Знающие растворились в темноте. Лиза опустила глаза на свою руку: знак из цветного стал черно-белым, теперь его перечеркивала жирная линия.

Не прошло и минуты, как она осталась одна.

Много часов спустя темнота опустилась на город, стирая грани его очертаний. Лиза Карранса стояла на высоком пешеходном мосту над сияющей огнями магистралью. Автомобили внизу проносились так быстро, что глаза не успевали поймать их контур – только полосы света, которые оставляли фары. Эти яркие полосы были красными, белыми, оранжевыми, иногда чуть синеватыми. Лиза смотрела вниз, прижавшись к ограждению.

Они дали нам и это, подумала она, провожая слезящимися от ярких цветов глазами след очередного автомобиля. Они дали нам столько сокровищ, но еще больше оставили себе. Мы этого не заслужили. Лиза провела рукой по волосам.

Когда умирает Хозяин, тот, кто в Списках, должен навсегда оставить свою прежнюю жизнь и уйти в небытие вслед за ним. Это не обязанность – это добровольный выбор, но разве можно сделать другой выбор, когда с раннего детства о тебе заботятся, тебя опекают, любят? Не было бы предательством не исполнить ту единственную обязанность, которую на тебя налагает то, что большую часть своей жизни ты проводишь в стране чудес? Можно ли проявить столь явную неблагодарность перед теми, кто делал твою жизнь прекрасной?

Да... – прошептал предательский голос в голове Каррансы, – ты не должна им ничего, ты не сама включила себя в Списки.

Но Лиза была в Списках. Таковы были правила. Таков был заведенный порядок вещей.

Она перегнулась через ограждение. Легкость полета, когда плоть уже не имеет значения. Потом удар. Удар избавил ее от сомнений.

Тусклый свет, кусок стены в желтоватых разводах, откуда-то издалека доносится крик. Лиза попробовала пошевелиться, и боль пронзила тело, но только правую сторону – левой стороны она не чувствовала. Горло саднило. Она открыла глаза – предметы расплывались, невозможно было сфокусировать взгляд. В мутном свете что-то шевельнулось, Лиза поняла, что рядом с ней кто-то есть, она попробовала спросить, где она и что с ней произошло, но из горла вылетел только тихий стон.

Потом снова темнота.

Когда она открыла глаза в следующий раз, то увидела все ту же желтоватую стену, покрытую неровными слоями краски, которые Лиза в первый раз приняла за подтеки. Все еще была боль, но на этот раз она хотя бы могла чувствовать свое тело. Медленно, миллиметр за миллиметром она повернулась на спину. Это заняло целую вечность. Теперь Лиза видела рядом с собой стойку с капельницей и экран, на котором медленно шли кривые ее сердечного ритма. Все очень старое. Лиза сглотнула – резь в горле ушла, появилось смутное чувство голода, но оно казалось очень далеким, как ощущение из полузабытого сна. Лиза попыталась сесть, но поняла, что переворот отнял у нее все силы. Раздался громкий писк. Она снова заснула.

На этот раз она слышала голоса. Говорящие были далеко, но она различала отдельные слова. Во фразы они не складывались, да и Лиза с трудом улавливала их смысл. Боли было меньше, она стала тупой и ноющей, в основном она была сосредоточена в левой стороне тела. Ребра как будто стянули чем-то жестким, каждый вдох давался с усилием. Лиза открыла глаза: желтые стены исчезли, теперь они стали зеленоватыми, с такими же неровными разводами краски. Где я? Лиза пошевелила рукой, убедилась, что может это сделать и осторожно поднесла ладонь к лицу. Ощущение собственной кожи показалось странным и незнакомым. Лиза

посмотрела на свою руку: кожа была бледной, с ясно проступающей голубоватой сеткой вен, ногти посинели. Лиза вдруг обратила внимание, что ногти на руках достаточно длинные, хотя она обрезала их всего за пару дней до своего падения.

Падение...

От этого воспоминания вся боль в теле вспыхнула и сосредоточилась в сердце, рядом на мониторе бешено запрыгали линии. Снова резкий писк. Нет! Я больше не хочу спать! Но сон не наступил, издалека донеслись быстрые шаги, потом звук открываемой двери. Лиза отшатнулась, как будто бы вошедший человек мог причинить ей боль. От резкого движения потемнело в глазах, Лиза вдруг подумала, что если притворится спящей, то ее не будут заставлять спать еще. Она замерла и закрыла глаза, попыталась успокоить свое дыхание и сосредоточилась на слухе. Человек подошел к ее кровати и остановился рядом. Больше Лиза ничего не слышала. Наверное, он смотрит на монитор и пытается понять, почему сработал сигнал тревоги. Лиза не шевелилась. Как назло начала нестерпимо чесаться нога. Раздался шелест, распечатывает показания, догадалась Лиза. Шелест принтера сменился шуршанием бумаги, неторопливым, как будто бы кто-то спокойно просматривал распечатку. Скрежет стула. Садится рядом, поняла Лиза. Этого ей хотелось меньше всего. Кто это может быть? Врач? Да, но какой? Лиза внутренне сжалась. Она слышала о том, что случалось с падшими, которые не исполняли свой долг: у них было жилье, дотации, но они были навсегда оторваны от общества – люди все еще видели в них тех, кто в Списках, а те, кто в Списках, отказывались их принимать. Можно было жить, изображая обычного человека, но такой обман легко было раскрыть, и тогда падшего ждала полная изоляция, и ему или ей приходилось менять место жительства. Фактически у падших не было прав: они не могли работать, не могли учиться. Падших, выбравших такую жизнь, было мало, сама Лиза не знала ни одного, только слышала разговоры. Впервые она задумалась над тем, сколько из них, теперь опозоренных до конца своих дней, хотели принять свою смерть, но были спасены, так же, как она сама сейчас.

Лиза чуть приоткрыла один глаз: около ее кровати на стуле сидел человек, в одной руке у него был пластиковый стакан, в другой – распечатка, судя по виду кардиограмма. Лиза осмелилась открыть глаз чуть шире, но лицо человека скрывала бумага, на нем был белый халат. Все-таки врач. Он встряхнул распечатку, и Лиза поспешно закрыла глаза. Повисла тишина. Человек начал что-то напевать себе под нос, Лиза снова решила на него посмотреть, и поняла, что он уже отложил распечатку.

Лиза снова закрыла глаза.

– Я все вижу.

Лиза сжалась в клубок под одеялом, почти инстинктивно стиснув кулаки. А что если никаких падших, которые не исполнили свой долг, нет? Что если их убивают, чтобы не создавать опасных прецедентов? Не говори ерунды, резко одернула она себя. Если бы они хотели тебя убить, то сделали бы это сразу, незачем сначала спасать тебя, а потом убивать. Но если это часть обряда, о которой никто не знает? Ну да, конечно, обряд, о котором никто не знает. Знающие – это мудрость и свет, от них не нужно ждать первобытной жестокости.

Лиза открыла глаза.

На стуле рядом с кроватью сидел человек с усталым бледным лицом и сосредоточенно смотрел на нее. Лиза обратила внимание на странный цвет его глаз. Наверное, серые, подумала она, потому что на самом деле они казались выцветшими. Грязные светлые волосы были взъерошены, как будто бы он пытался причесать их пальцами, а потом бросил эту затею. На нем был белый халат, на котором ярко выделялось несколько темных пятен от кофе.

– Вы врач? – спросила Лиза.

Он кивнул.

– А вы кто?

Лиза запнулась. Только тут Лиза заметила, что он улыбается. Хотя почему он не должен улыбаться?

– Не знаю, – честно ответила Лиза.

– Не помните, как вас зовут?

Он посмотрел на монитор, потом снова внимательно посмотрел на нее. Лиза тоже невольно перевела взгляд на монитор, но ничего не поняла.

– Вы помните, как вас зовут? – повторил он.

Лиза заколебалась. Она помнила, но не была уверена, что стоит называть свое имя. А что если после этого ее сразу же выкинут на улицу? Она больна, с ней явно что-то не в порядке, после того, как она упала с моста. Как быть тогда? Лиза готова была принять быструю смерть, но медленно умирать в подворотне от заражения или потери крови она не собиралась. Так и не найдя решения этой задачи, она снова решила не отвечать.

Человек вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Слушайте, я понимаю, чего вы боитесь. Мы видели ваш знак, и вы все еще здесь.

– Черт... – прошептала Лиза.

Должно быть, она действительно больна. Конечно, они видели ее знак – она же в больнице.

– Где я? – спросила она.

– Госпиталь Святой Елены.

Лиза никогда раньше не слышала о таком.

– Святой Елены? – переспросила она.

– Остальные отказались вас принимать.

Лиза криво улыбнулась – все начинало вставать на свои места.

– Ладно, – врач кивнул, – если вам будет легче, то представлюсь я. Меня зовут Теодор Верц, я вас оперировал.

– Оперировал... – эхом отозвалась Лиза.

Она снова посмотрела на врача. На его лице застыла искусственная улыбка.

– Лиза Карранса, – наконец, сказала она.

Верц обернулся, как выяснилось, чтобы взять со стола карту и, видимо, написать в ней ее имя.

– Почему я жива? – спросила Лиза.

– Ну это проще простого, – Верц продолжал писать. – Вы упали с моста не на проезжую часть, как вам того, несомненно, хотелось бы, а на разделительное ограждение...

– Вы не понимаете... – резко прервала его Лиза.

– Теперь ваше понимание и великое предназначение никому не интересны. Лучше вам это понять здесь и сейчас, а не когда вас выпишут. Так вот, вы упали на разделительное ограждение, одна из машин только задела вас. У вас была сломана спина, правая рука и ребра, трещина в черепе, проколоты левое легкое и сердце, множественные повреждения внутренних органов. Легкое спасти удалось, сердце нет. Остальное мы вам восстановили. Хоть мы и госпиталь Святой Елены, а не прибежище Великого Медицинского знания, и прикосновениями лечить не можем, но кое-что у нас пока еще получается, – он отложил карту, – так что дня через три, когда достаточно окрепнете, можете выходить в большую жизнь. Вопросы?

Лиза смотрела на него широко открытыми от удивления глазами.

– Вопросы? – повторил Верц.

– А сердце? – тихо спросила Лиза.

Верц зевнул и сделал глоток из пластикового стакана.

– Сердце мы вам пересадили. Ваше падение спровоцировало несколько аварий, одна со смертельным исходом. Донор оказался подходящим. Еще вопросы?

Через три дня Лиза Карранса вышла из дверей госпиталя Святой Елены на мрачную пустынную улицу. Она стояла, смотрела по сторонам и не могла понять, что ей делать дальше. Куда ей идти? Было часов шесть утра, в воздухе еще ощущалась ночная прохлада, предрасветные сумерки медленно отступали. Лиза нервно натянула рукава куртки на ладони. В больнице ей дали одежду: длинную юбку, кофту с длинными рукавами и куртку – все неопределенного цвета и сильно застиранное, скорее всего то, что отдавали случайные благотворители.

Когда она уходила, никто ее не задерживал, и не желал удачи, только Теодор Верц перед тем, как расписаться в ее карте, протянул ей визитную карточку, на которой было название больницы и телефон.

– Мы всегда будем рады лишней паре рук, и всегда найдем этой паре рук крышу над головой, – сказал он, не поднимая глаз от карты. – Но это, конечно, вам не понадобится. Ведь вы не доживете и до вечера с вашим настроением, не так ли? – он с громким хлопком бросил карту на стол, посмотрел на Лизу и в очередной раз вымученно улыбнулся.

Лиза не ответила, просто взяла карточку, развернулась и пошла к дверям. И вот теперь она стояла на улице и не знала, как быть дальше.

На самом деле решения было два, и Лиза прекрасно это понимала. Ей оставалось только пойти в Административный центр, и встать на учет, как падшей. Или ей нужно было пойти в сторону реки и утонуть. Из глаз полились слезы. Ей нужно было принять решение, к которому ее готовили всю жизнь. Ее учили, что когда умирает Хозяин, тот, кто в Списках, тоже должен умереть.

Лиза побрела в сторону реки, она плохо понимала, где находится. Это была самая бедная часть города, трущобы, в которых жили люди, даже не пытавшиеся воспользоваться всем тем, что могли дать Знающие. Те, кто в Списках, считали, что такие люди слишком глупы, чтобы понять, какие блага они могут получить, но Лизе всегда казалось, что это чересчур простое объяснение. Может быть, они не хотели не потому, что были глупыми, а потому что им хватало того, что у них есть? Вообще, объяснения, которые бытовали среди тех, кто в Списках, казались Лизе слишком простыми и однобокими. Она всегда была тихой, замкнутой, никогда не могла заговорить первой с человеком. Даже на собраниях тех, кто в Списках, она сидела молча и отвечала, только когда к ней обращались. Все это время Лиза внимательно наблюдала за окружающими, мысленно оценивая их, предполагая про себя мотивы их поступков. Она соотносила свои наблюдения с тем, чему ее учили, и часто приходила к выводу, что человек гораздо сложнее, чем ей пытались внушить. Еще ей всегда казалось странным, что те, кто в Списках, считали себя выше остальных людей. На самом деле они были совершенно одинаковыми, просто одним лотереей жизни дала возможность вытянуть счастливый билет, а другим – нет. Иногда Лизе приходило в голову, что если бы она высказала свои мысли Знающим, то, возможно, продвинулась бы на пару ступеней на лестнице Философии, но она никогда не могла побороть природной скромности.

В воздухе появился запах сырости, стали доноситься крики чаек. Лиза поняла, что идет в правильном направлении.

Вот, казалось бы, взять даже этот обычай: умирать, когда умирает Хозяин. Конечно, это было верно с точки зрения Философии Знающих, и те, кто в Списках, должны были принимать этот обычай. Но как, скажите, можно его понять, когда для этого нужно пройти всю лестницу Философии, а ни один человек никогда ее не проходил? То есть мы вынуждены играть по правилам, которых не понимаем, более того заранее известно, что мы не способны их понять, но все равно мы должны им подчиняться. Почему не дать возможность добраться до вершины лестницы, и уже там, с полным осознанием того, что то, что ты делаешь – полностью обоснованное и правильное решение, прекратить добровольно свою жизнь? Это казалось Лизе странным. Поэтому у меня и не получилось умереть, подумала она, наверное, я подсознательно не

хотела исполнять свой долг. Над головой носились чайки, подул легкий бриз, река была все ближе.

Смогу ли я на этот раз? – подумала Лиза. И поняла, что сможет, но не потому что ее вело чувство долга, а потому что у нее не было выбора. Сейчас это будет не исполнение ритуала, а просто самоубийство отчаявшегося человека, которому некуда идти. Ничего из ряда вон выходящего. Просто, когда ее тело выловят из воды, и обнаружат перечеркнутый знак на плече, никого больше не будут волновать обстоятельства ее смерти. Тело передадут Знающим, и они кремируют останки, выбив ее имя в длинном ряду на Аллее Памяти.

Из-за поворота показалась река, Лиза перешла дорогу, приблизилась к парапету и посмотрела вниз, по воде плыл мусор. Лиза посмотрела вокруг: на набережной стояли длинные невысокие серые здания, скорее всего, склады, не было видно ни одного человека. Лиза перевела взгляд на воду. Падение ее не убьет, она в любом случае попытается инстинктивно выплыть. Она посмотрела под ноги. Около парапета лежал довольно большой осколок кирпича. Лиза вздохнула. Если встать на парапет и со всей силы ударить себя кирпичом по голове, то она, скорее всего, потеряет сознание и упадет в воду. А там уже вряд ли ей повезет настолько, что она снова останется в живых. Лиза наклонилась и подняла осколок кирпича. Происходящее вдруг показалось ей абсурдным. Как можно ударить себя по голове так, чтобы потерять сознание? Рука инстинктивно замедлит движение, и удар получится недостаточно сильным. А может, и нет. Лизе хотелось только одного: чтобы все это как можно быстрее закончилось, совершенно все равно, каким образом. Она вскарабкалась на парапет, посмотрела на отражающиеся в воде яркие цвета неоновых экранов. Такое чувство, что я не убиваю себя, а делаю какую-то нудную механическую работу, подумала Лиза. Она снова вздохнула и отвела руку. На счет «три», решила она и начала считать вслух.

– Один.

Вдалеке загудела баржа.

– Два.

Пронзительно закричала чайка, Лиза напрягла руку перед ударом, сердце начало бешено биться. Сердце... это не ее сердце, это чужое сердце.

И тут что-то щелкнуло в голове. Река исчезла, вместо нее Лиза увидела лобовое стекло, и светящуюся синеватым светом приборную панель автомобиля, горели красные огни фар едущей впереди машины, играла тихая размеренная музыка. Лиза видела все это чужими глазами, видела, как смотрит по сторонам, а потом на мгновение переводит взгляд на зеркало заднего вида. Потом боковым зрением она уловила движение, и все завертелось вокруг, взгляд уже не мог ни на чем сфокусироваться. А потом был чудовищный удар, за которым последовала чернота.

Лиза очнулась. Она все еще стояла на парапете, кирпич выпал из рук, и, наверное, упал в реку. Лиза тяжело дышала, сердце все еще яростно стучало в груди. Она вспомнила слова Теодора Верца: донор оказался подходящим.

Лиза слезла с парапета, тяжело оперлась об него и уставилась невидящим взглядом на воду. Так она простояла с полчаса, потом достала из кармана карточку.

Госпиталь Святой Елены.

Лиза медленно побрела назад.

Обратно она шла несколько часов: она почти не помнила дороги, поэтому часто заходила не туда. Иногда ей попадались люди, и она спрашивала у них. Так или иначе, когда наступил полдень, Лиза снова стояла у дверей госпиталя Святой Елены. И тут она столкнулась с новой проблемой: она совершенно не понимала, что ей делать теперь. Просто найти Теодора Верца и сказать, что ей нужна помощь? Она помнила, какие слова он сказал ей, когда она уходила, и это не придавало ей оптимизма. Но больше ей не к кому было обратиться. Зайти она не решалась.

Лиза вспомнила, что Верц дежурил по двое суток: приходил вечером и уходил вечером через день. Его сменяла такая же уставшая, как и он, женщина. Лиза не помнила ее имени, они не разговаривали ни о чем, кроме того, как она себя чувствовала. Лиза, напрягла память. Да, вчера днем тоже был Верц, значит, сегодня вечером он должен уйти домой. Но сколько выходов в больнице? Лиза знала только про один. Что ж, придется стоять, ждать и надеяться, что ей повезет.

И ей повезло. Верц вышел, когда уже стемнело, все это время Лиза простояла на том же самом месте, боясь даже на минуту отойти куда-нибудь, чтобы не пропустить его. Она замерзла, ужасно хотелось есть и спать, ноги гудели. Она чуть не пропустила его в свете одного единственного тусклого фонаря. Узнала его только по походке и характерной сутулости. Вечером Верц сменил свой старый грязный халат на застиранный свитер и протертую на локтях куртку. Лиза кинулась к нему, но вдруг остановилась. Она смотрела ему в спину. Что она ему скажет? Она так и не придумала за то время, что ждала.

– Извините! – крикнула она.

Верц не оглянулся, должно быть, не услышал, или решил, что обращаются не к нему. Лиза побежала за ним.

– Эй! – снова крикнула она и остановилась почти рядом с ним.

Верц посмотрел на нее мутным взглядом, как будто не понимая, что перед ним вообще кто-то стоит. Лиза растерялась.

– А... – устало протянул Верц, – это ты... Еще живая? – он усмехнулся.

Лизу передернуло, она отступила на шаг.

– Ладно, извини, – он дружески потрепал ее по плечу. – Просто устал. Давно здесь стоишь?

– С утра, – ответила Лиза.

Верц устало покачал головой.

– Есть, наверное, хочешь?

Она кивнула.

– Пошли, – он махнул рукой.

– А куда? – спросила Лиза.

– А тебе не все равно? – спросил Верц.

Лиза поняла, что ей действительно все равно. Лишь бы не к реке и не на автостраду. Она пошла за ним. Некоторое время они шли в тишине, Верц смотрел под ноги.

– Почему ты вернулась? – вдруг спросил он.

Лиза замаялась. То, что она вернулась, было связано для нее с теми странными видениями у реки, а она не привыкла рассказывать о таких вещах посторонним людям.

– Опять не хочешь разговаривать?

Лиза вспомнила, как вела себя во время их первого разговора, и почувствовала себя неловко. Пришлось признать, что Теодор Верц ей нравился, и ей не хотелось ему врать.

– Из-за моего сердца. Я хочу знать, чьим оно было раньше.

Верц удивленно посмотрел на нее.

– Зачем? Обычно люди не хотят ничего знать о тех, благодаря кому они все еще живы. Никому не нужно лишнее чувство ответственности, все хотели бы думать, что их заимствованные органы выращены в каком-нибудь хитром инкубаторе.

– Нет, – Лиза покачала головой, – я не хочу никакой ответственности и не испытываю никакой благодарности. Просто... – она замаялась.

– Что?

Лиза закусила губу, она никак не могла собраться с мыслями.

– Просто даже если я должна умереть ради своего долга, то сердце, которое у меня сейчас, не должно. А я не вижу способа умереть самой, но не убивать свое сердце.

Верц остановился. Лиза посмотрела на него и поняла, что он с трудом сдерживает смех.

– Что в этом смешного? – резко спросила она.

– Почему нельзя просто сказать, что ты не хочешь умирать? Зачем придумывать такую бредовую теорию?

– Тот человек умер из-за меня. Если бы я не прыгнула с моста, то он был бы жив, – процедила Лиза сквозь зубы.

– Откуда ты знаешь? – Верц пошел дальше. – Может быть, он вышел бы из машины, и ему на голову упал бы метеорит?

– Вы издеваетесь?

Верц только вздохнул.

Через четверть часа они остановились около многоквартирного дома. Верц достал из кармана связку ключей и открыл дверь. Перед ними была темная лестница.

– Лифт не работает, – коротко сказал Верц.

– Мы пришли к вам домой? – спросила Лиза.

– А куда же еще? – Верц начал медленно подниматься. – Не на улице же тебя оставлять.

– Спасибо, – тихо прошептала Лиза.

Верц не ответил.

Вся квартира Теодора Верца состояла из небольшой комнаты, почти всю площадь которой занимали кровать и шкаф, и крошечной кухни. Верц разулся, раскидав ботинки в разные стороны, подошел к шкафу, достал с верхней полки матрас и подушку и бросил все это на пол кухни.

– Ваш инопланетный люкс, мадам, – он картинно обвел рукой кухню.

– Почему вы меня все время обижаете? – спросила Лиза.

– Потому что раз ты хочешь жить, то тебе лучше понимать, что те, кто в Списках – просто кучка фанатично настроенных домашних зверушек светящихся гуманоидов из другой звездной системы, – раздался его голос из комнаты. – И чем раньше ты свыкнешься с этой мыслью, тем легче тебе придется.

Он вернулся и протянул ей одеяло.

– Еда в холодильнике. И, пожалуйста, не шуми, когда проснешься.

МАРТ 531 ГОДА ОТ БОЛЬШОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

Колония Военной Стратегии СолаС Оранд, куб 23

Дориак, область Каледония

Эллис и Гайлес стоят по другую сторону стекла, отделяющего комнату допросов от коридора. Стекло натерто до блеска, и Эллис невольно удивляется разнице между заляпанным стеклом в полицейском управлении и вылизанным до тошноты этажом двадцать два. Статс-прокурор как-никак: вдруг заметит следы пальцев на стекле и шибанет им на голову парочку бомб со сверхтяжелого крейсера. Так, для профилактики, за несоблюдение санитарно-гигиенических норм. Эллис невольно оскаливается. Гайлес поворачивается к нему.

– Чему улыбаетесь, Эллис? – спрашивает она.

Эллис некоторое время молчит, а потом отвечает:

– Да так, просто вспомнил один забавный случай из своей практики.

– Поделитесь? – криво улыбается Гайлес.

Эллис пожимает плечами.

– Да там пошло достаточно, но если вы так настаиваете, то я расскажу.

– Тогда лучше не надо.

Гайлес смотрит сквозь стекло. Там, за столом, неловко поджав ноги, сидит девушка лет восемнадцати. У нее длинные русые волосы и очень бледное лицо с огромными синими глазами. Она все время пытается спрятать руки с обломанными ногтями, но никак не может найти для них места. Ее одежда старая и грязная.

– Лиза Карранса, – говорит Гайлес, любезно зачитывая для Эллиса досье, которое видит перед своими глазами полуробота-получеловека. – Родилась на Оранде в 513 году от Большого разделения. Родители состояли в общине Санктумов, почти сразу после рождения ее отдали в специализированные ясли тех кто, в списках, потом в школу тех, кто в списках, потом поступила на службу к Санктумам. Фактически кроме базовых навыков никакого образования не получила. Жила в общине на западе Дориака. 1 февраля 531 года была исключена из списков, пыталась совершить ритуальное самоубийство, но была доставлена в госпиталь Святой Елены. Лечащий врач – Теодор Верц. В госпитале провела неделю: пересадка сердца и многочисленные внутренние повреждения. 7 февраля покинула госпиталь, но тем же вечером вернулась, встретила Теодора Верца и отправилась с ним, предположительно, к нему домой. Оставалась там до 16 февраля, когда полиция Каледонии пришла в дом Верца с обыском. От полиции сбежала, предположительно, по пожарной лестнице – ну, это уже мои догадки, – с тех самых пор бродяжничала. Напомните, Эллис, где ее нашли?

– Под пятым причалом в пластиковой коробке из-под холодильника, – мрачно отвечает Эллис.

Вообще вся речь Шат Гайлес является не данью уважения к человеку, у которого перед глазами за долю секунды не возникает досье на любого жителя Военной Стратегии СолаС, а едкой шпилькой в адрес полиции Каледонии. Начнем с того, что в полиции Каледонии о Лизе Карранса не имели ни малейшего представления. Ну да, она упоминалась как одна из пациенток, но не более того. Шат Гайлес просмотрела запись с орбитального спутника, который 7 февраля проходил над Дориаком, так как камер у самого госпиталя Святой Елены не было (полиция Каледонии могла бы это сделать, но почему-то это никому не пришло в голову), на записи был распознан Теодор Верц и Лиза Карранса (это полиция Каледонии сделала бы дня за три, а не за двадцать секунд, но это если бы кого-то заинтересовал орбитальный спутник), Гайлес последила их до квартиры Верца. Более Верц на записи спутников не попадал, зато попала Лиза Карранса, 16 февраля она была всего в одном квартале от квартиры Верца. Протокол осмотра квартиры Верца также указывал на то, что кто-то вполне мог находиться там в течение почти десяти дней. Полиция Каледонии, несомненно, должна была бы обратить внимание на матрас на кухне и на открытое окно. Но полиция Каледонии не обратила на это внимания. На все расследование у Гайлес ушло порядка получаса, в том числе и на то, чтобы при помощи все тех же камер обнаружить убежище Лизы Карранса под пятым причалом. Речным причалом, кстати говоря, а не причалом космопорта, который в такой дыре как Оранд только один, да и тот на экваторе.

Еще через час Лизу Карранса доставили в главное полицейское управления Каледонии в городе Дориак, и теперь она сидит в комнате для допросов по другую сторону идеально чистого стекла от Джона Эллиса и Шат Гайлес.

– Допрос будете вести вы, – говорит Гайлес. – Я буду слушать. Если мне понадобится дополнительная информация, я вам сообщу.

– Хорошо, – Эллис поправляет скрытый наушник, через который Гайлес будет давать ему указания, и входит в комнату с мягкой обивкой на стенах, посреди которой стоят приваренные к полу стол и два стула.

Лиза Карранса испуганно смотрит на него, Эллис улыбается и садится напротив.

– Добрый день, Лиза, – он продолжает улыбаться, – меня зовут Джон Эллис, я старший следователь по особо важным делам полицейского управления области Каледония. Хотите воды? Или, может быть, кофе?

Или чего покрепче, как, например, сейчас хочет сам Эллис. Но девочка испуганно качает головой. Она вжимается в стул и, как кажется Эллису, будь ее воля, она залезла бы под стол полностью. Эллис примерно представляет, чего она боится: в голове у тех, кто в списках, такая каша, что им кажется, что любое нарушение порядка Санктумов карается на всей планете чуть ли не смертной казнью. Хотя, конечно, это не так: такие личности просто передаются обратно Санктумам, но если Военная стратегия СолаС находит свой собственный интерес в деле, то Санктумы и их обычаи обычно посылаются к черту. Вот как сейчас, например. Эллис решает успокоить девочку.

– Лиза, я сразу хочу вам сказать, что никто ни в чем вас не обвиняет. Мы с вами будем говорить только об одном деле, и это дело – исчезновение человека, с которым вы были знакомы. Если вы чего-то боитесь или кто-то вам угрожает, то вы можете мне сказать об этом совершенно свободно. От лица полиции Каледонии я гарантирую вам полную безопасность.

Эллис слышит в ухе смех Шат Гайлес.

– Эллис, она верит, что Санктумы – всемогущие боги, а вы ей обещаете защиту от божьего гнева при помощи полиции Каледонии.

Эллис на это замечание не реагирует. Он смотрит на Каррансу, та робко поднимает глаза и тут же опускает их обратно.

– А кто пропал? – чуть слышно спрашивает она.

– Теодор Верц, это врач, который лечил вас в госпитале Святой Елены. Вы его знаете?

Карранса кивает.

Эллис вдруг чувствует злость. Вот ведь чертовы инопланетные твари – молодая девочка, вся перепугана до смерти из-за того, что не сиганула с крыши после того, как какое-то чудище испустило дух. И теперь она оказывается совершенно одна, вне своей общины, в мире, где все совершенно для нее непонятно. Эллис искренне удивляется тому, что она целых три недели протянула в Дориаке без денег и крыши над головой. Он знал гораздо более искушенных личностей, которым такое приключение стоило жизни.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Я... – голос у Лизы тихий и бесцветный, – меня выписали из больницы. Верц сказал, что я могу вернуться, если мне некуда идти, но сначала я хотела... Я не знаю, я вернулась через несколько часов и стала его ждать. Он вышел вечером, и мы пошли к нему домой, потому что он слишком устал. Он сказал, что он устроит меня куда-нибудь на следующий день.

– Вы пришли к нему домой? – спрашивает Эллис.

Карранса кивает.

– И что было у него дома?

– Ничего, – Лиза неловко пожимает плечами. – Он постелил мне на кухне и ушел спать. Когда я проснулась, то его не было.

– Он ушел? – уточняет Эллис.

– Наверное, да, – Лиза снова пожимает плечами.

– Спросите, слышала ли она, как он уходил, – командует из-за стекла Гайлес.

– Вы слышали, как он уходил?

– Нет, – Лиза качает головой, – но я очень устала в тот день, я почти сразу уснула.

– А дальше?

– Дальше я его ждала. Долго, но он не возвращался. Потом я услышала, как какие-то люди стучат в дверь, и вылезла через окно.

– Что с вами происходило потом?

Лиза некоторое время молчит.

– Я... я просто бродила. Мне было страшно снова возвращаться к больнице, я ходила ночью, потом нашла коробку под причалом, в ней было не так холодно.

Эллис кивает.

– Лиза, почему вы не обратились в полицию, когда поняли, что Верца нет слишком долго? Этот человек был добр к вам, вы могли бы сообщить о том, что он пропал. Вы же понимали, что он не мог оставить вас в собственном доме и не вернуться.

Лиза Карранса смотрит на него своими испуганными синими глазами.

– Что такое полиция, господин Эллис? – спрашивает она.

Эллис вылетает из комнаты допросов как пробка из бутылки, он пронесется мимо Гайлес напрямик в туалетную комнату, мало заботясь о том, что подумает о его неожиданном маневре Статс-прокурор. Эллис открывает воду, умывается, потом дрожащими руками достает из кармана фляжку и делает несколько глотков, поджигает сигарету, затягивается и смотрит на свое отражение в зеркале. В зеркале отражается тип неопределенного возраста с редкими волосами соломенного цвета, красноватым лицом и безумным взглядом. Эллис докуривает сигарету, снова прикладывает к фляжке, потом пьет воду прямо из-под крана, приглаживает волосы и только после этого рискует вернуться к Гайлес.

Статс-прокурор все так же стоит в коридоре и смотрит на сжавшуюся в комок на стуле Лизу Карранса.

– Это ваша первая беседа с теми, кто в списках? – спрашивает она.

– Да, – Эллис снова закуривает.

– Тогда ваша реакция понятна, – Гайлес кивает. – Я бы на вашем месте так за нее не переживала: после того, как закончится расследование, ее необходимо будет передать обратно к Санктумам, она снова поселится в общине в статусе «падшей» – так они называют тех, кто не смог покончить с собой после смерти хозяина. В общем смысле слова с ней все будет в порядке.

Эллис все еще смотрит на девушку в комнате. Как же тебе не повезло: нашелся один добрый человек, да и тот не успел тебе помочь.

– Что дальше? – спрашивает Эллис.

Гайлес не отвечает. Она открывает дверь и входит в комнату для допросов.

После мужчины входит женщина. Лизе она сразу кажется странной: слишком красивая, ненастоящая какая-то. В отличие от господина Эллиса, женщина не представляется. Лиза чувствует облегчение – она почти ничего не поняла из того, что сказал Эллис, и ей от этого неловко.

– Кто был твоим хозяином? – женщина садится на стул напротив и закидывает ногу на ногу.

Лиза испуганно опускает голову. О Хозяине нельзя говорить, это первое и самое главное правило. То, что между Хозяином и тем, кто в Списках, остается между ними. Это главный закон. То, что Лиза увидела за месяц своей самостоятельной жизни, все больше и больше убеждает ее в том, что уж это правило точно имеет смысл.

– Кто был твоим хозяином? – женщина повторяет вопрос.

– Я не могу об этом говорить, – отвечает Лиза.

Женщина откидывается на спинку стула.

– Покажи плечо, – приказывает она.

Лиза покорно снимает куртку, потом стягивает через голову кофту – ту самую, старую и застиранную, которую ей дали в больнице. Теперь виден ее знак, когда-то яркий, а теперь темный – перечеркнутый линией позора.

Женщина поднимается и подходит к ней, она смотрит на знак всего несколько секунд, но они кажутся Лизе вечностью. Потом она подходит к двери.

– Кто вы? – спрашивает Лиза.

Женщина поворачивается к ней, и Лизу снова удивляет ее неестественная красота.

– Статс-прокурор Военной Стратегии СолаС полковник Шат Гайлес.

Она выходит. Лиза долго смотрит на закрывшуюся дверь. Она думает о том, что эта женщина по-настоящему красива, но вот ее имя не имеет никакого отношения к Хозяевам. До сегодняшнего дня Лиза ни разу не слышала ни про полицию, ни про эту Военную Стратегию СолаС, и она сомневается, что даже все ступени лестницы Философии смогут придать смысл этим загадочным словам. Но кое-что кажется ей действительно странным: если не Хозяева создали такое существо как Статс-прокурор Военной Стратегии СолаС полковник Шат Гайлес (что бы ни значили все эти слова), то, есть что-то еще, что способно созидать прекрасное в этом мире.

– Ну и что вам удалось выяснить? – спрашивает Эллис, когда Гайлес выходит из комнаты допросов.

– То, чьей собственностью она была, – отвечает Статс-прокурор. – Они клеймят своих слуг, для каждого хозяина клеймо разное. Лиза Карранса принадлежала к дому Ка-хнар, этот дом традиционно занимается внешними коммуникациями Санктумов, в том числе и их дипломатическими переговорами.

– Считаете, что мы близки к цели? – осторожно спрашивает Эллис.

– Ну, я считаю, что дом Ка-хнар – это обнадеживающее совпадение. Будь это какой-нибудь другой из их домов, пришлось бы дольше возиться. Вы когда-нибудь были за пределами планеты, Эллис?

Джон Эллис качает головой.

– Не доводилось.

– Тогда вас ждет новый опыт – мы с вами отправляемся на встречу с Санктумами.

Эллис смотрит ей в спину без особого энтузиазма.

Пока они летят к космопорту, Эллис засыпает, причем не столько из-за наполненного впечатлениями дня, а больше из-за того, что он лишнюю пару раз приложился к фляжке. Гайлес то ли не замечает маленькой слабости старшего следователя, то ли ей на это наплевать. Сны Эллису не снятся, его будит толчок, сопровождающий их приземление. Откуда-то появляется трап, по которому уже спускается Шат Гайлес. Эллис ковыляет следом. Снова на него обрушивается удушающая экваториальная жара. Он моментально потеет и всерьез беспокоится о том, что после второго такого испытания за день пахнуть от него будет отнюдь не розами. Он смотрит в спину Гайлес и приходит к выводу, что ей и на это наплевать. Пока, в общем-то, у них со Статс-прокурором все складывается лучше, чем он мог бы предположить при первой встрече.

Минут через пятнадцать они доходят до корабля, с Эллиса уже градом льет пот. Как только они входят внутрь, люк у них за спиной закрывается, внутри зажигается свет, опускается спасительная прохлада.

– У вас есть пилот или вы летаете сами? – вежливо спрашивает Эллис.

Гайлес криво улыбается.

– Сама, Эллис. Я на военной службе как-никак.

Ну да... Эллис идет за ней по узким коридорам корабля, мимо стен, по которым тянутся провода и кабели. Эллис где-то читал, что их специально не прячут, чтобы при экстренной неисправности можно было легко ее устранить. Интересно, на больших кораблях делают так же? Или только на таких, как этот? Они входят в рубку, Гайлес садится в кресло пилота и надевает на голову шлем. Эллису она показывает на одно из двух пассажирских кресел.

– Как переносите перегрузку? – спрашивает она.

– Не знаю, – отвечает Эллис. – Но, наверное, плохо.

Гайлес усмехается.

– Я с вами честен, Статс-прокурор, – Эллис борется с ремнем безопасности, – я не изображаю из себя бравого полицейского, я уже не мальчик, у меня неважное здоровье, и если я заблужу вам корабль, то давайте уж я предупрежу вас об этом заранее.

Эллис поднимает глаза, Шат Гайлес смотрит на него и улыбается. Что странно, улыбка эта выглядит совершенно по-человечески даже при том, что в голове у нее железа больше, чем в центре управления коммуникациями в Дориаке.

– Я ценю это, Эллис. Но все-таки постарайтесь сдержаться. По возможности.

– По возможности, – Эллис, наконец, пристегивается, откидывает голову назад и закрывает глаза.

Это действительно первый полет за пределы планеты в жизни Джона Эллиса. Сравнить ему не с чем, поэтому все, что происходит, он сразу же принимает как истину в последней инстанции. Сначала раздается голос Гайлес.

– X1845789. Запрашиваю взлет.

Потом ответ диспетчера:

– X1845789, взлет разрешаю.

Корабль медленно принимает вертикальное положение, одновременно кресло Эллиса тоже разворачивается, направляя его к силе тяжести планеты. Внутри корабля зарождается урчание, которое с каждой секундой становится все громче, потом на самой высокой ноте звук замирает, и Эллис чувствует, как корабль плавно отрывается от земли. Потом резкий рывок, который вдавливают его в кресло, желудок поднимается к самому горлу, и Эллис до боли сжимает зубы. Раздается рев, несколько минут Эллису кажется, что у него лопнут барабанные перепонки. А потом вдруг оглушительная тишина, внутренности падают куда-то вниз и хаотично кружат в животе, к горлу все-таки поднимается предательский комок. Эллис осторожно открывает глаза. Прямо перед ним в воздухе медленно парит лист бумаги – они прошли атмосферу планеты и теперь находятся в невесомости. Нос челнока становится прозрачным, и Эллис видит завораживающе глубокую черноту, в которой сияет паутина звезд. Они гораздо ярче тех, которые он привык видеть на ночном небе Дориака. Гайлес не шевелится, ее пальцы лежат на кнопках на подлокотнике. На мгновение Эллису кажется, что она умерла, но он тут же вспоминает, что на космических кораблях пилот управляет не руками, а прямо через шлем, который подключен к нейронам головного мозга. Звезды медленно разворачиваются, и вот Эллис видит самую удивительную картину в своей жизни: планету под названием Оранд. Эта планета вряд ли отличается от сотен других, колонизированных и измененных под себя человечеством, но Эллис готов клясться до конца своих дней, что вселенная не создала ничего прекраснее Оранда. Вот зеленовато-голубой океан, единственный континент, почти до середины покрытый полоской зеленых джунглей, а потом приобретающий пыльно-желтый цвет Великой пустыни. За ними – голубоватое внутреннее море и цепь островов, которые, собственно, и именуются Каледонией. Выше море становится серым, а потом белеет из-за скользящего его льда. Эллис с таким восторгом наблюдает за этим зрелищем, что забывает про невесомость. Но вот корабль разворачивается, и снова весь носовой иллюминатор занимает чернота космоса.

– Как вы себя чувствуете? – Эллис слышит голос Шат Гайлес.

После некоторых размышлений он все-таки рискует разжать зубы.

– Сносно, – отвечает он. – Просто мое тело не понимает, где низ, а где верх. В остальном все просто замечательно.

– Тогда поздравляю с вашим первым полетом. Я отправила запрос на стыковку с базой Санктумов. Сейчас мы ждем ответа.

– А долго они будут отвечать? – осторожно спрашивает Эллис.

Теперь он как замороженный наблюдает за парящим в воздухе листом бумаги.

– По протоколу у них не более часа.

– Они могут ответить отказом?

– Мне? Маловероятно. Хотя, конечно, никто не застрахован от неожиданностей.

– А если все-таки откажут? – не сдается Эллис.

– Если они откажут, то я инициирую соответствующие протоколы, все базы Санктумов мгновенно окажутся в изоляции, через двадцать четыре часа сюда прибудет ближайшая к нам эскадра, которая возьмет их на прицел. Эта ситуация будет сохраняться до принятия дальнейшего решения на Маршалском собрании Военной стратегии СолаС.

Круто, думает Эллис.

– Тогда, наверное, они не будут слишком возражать против вашего визита, – замечает он.

От слов Гайлес у Эллиса появляется ощущение, что он смотрит новости по телевизору: эскадры, Маршалское собрание, протоколы, станции, которые берут на прицел – все это где-то далеко, на передовой войны между Военной Стратегией СолаС и Альдебаранской Империей. Колонии Оранд это все не касается, Оранд находится в глубоком тылу СолаС и фактически не представляет никакой ценности: здесь что-то выращивают, что-то добывают, что-то производят. Пару раз в году прилетает огромный транспортный корабль, куда сгружается продукция, колония получает дотацию от Военной Стратегии и продолжает свое скромное существование под светом не менее скромного желтовато-красного солнца. Оранду можно только мечтать о значимости планет-заводов вроде Дипола и Анхетара или сельскохозяйственных гигантов вроде Клотеруса. Но у Оранда есть один козырь в рукаве, который не дает забыть об этой колонии окончательно. Это Санктумы.

Санктумы – единственная живая инопланетная цивилизация, с которой столкнулось человечество на своем пути освоения космического пространства. Встреча эта, как не удивительно, выпала не Военной Стратегии СолаС, а кораблям Альдебаранской Империи, которые почти сто лет назад приняли базу Санктумов за неизвестное оружие СолаС, дали по ней полный залп и тем самым навсегда закрыли для себя возможность вступить в контакт с инопланетным разумом. Военная Стратегия СолаС не могла не воспользоваться таким случаем, и вот после нескольких десятков лет переговоров и разъяснений деталей текущей ситуации внутри того, что гордо именовалось «человечество», Санктумы наконец-то пошли на попятный и заключили договор о сотрудничестве с Военной Стратегией СолаС. Естественно, с тем условием, что если они войдут в контакт с Альдебаранской Империей, все эти договоренности будут аннулированы в одностороннем порядке. СолаС праздновала победу и предвкушала доступ к волшебным технологиям, но реальность оказалась не столь радужной: выяснилось, что Санктумы ненамного обогнали человечество, а несколько игрушек, которые они могли представить, особого восторга в рядах СолаС не вызвали, так как применение их в военных целях было сомнительно. В общем, единственное, что пригодились из арсенала Санктумов, это их исследование космоса – белых пятен на картах СолаС существенно поубавилось. Но и тут ожидало разочарование: Санктумы прибыли из той части галактики, которая находилась слишком далеко, и лететь туда не было никакой необходимости. Короче говоря, волшебные инопланетяне не стали победным козырем в пятисотлетней войне СолаС и Альдебаранцев. Зато весьма необычной оказалась оплата, которую потребовали Санктумы. Вместо золота, ресурсов или технологий они попросили только об одном: иметь возможность распространять свою религию на территории СолаС. Само собой, такая малость была им позволена, и у колоний СолаС (в том числе и у Оранда) появились их анклав-станции. Религия Санктумов, как выяснилось, заключалась в том, что богами в ней являлись сами Санктумы, адепты приглашались служить на станции, а потом отправлялись домой через определенные промежутки времени. Такое странное поведение не могло не вызвать обеспокоенности у СолаС, но после детального рассмотрения угрозы захвата СолаС Санктумами выяснилась весьма простая вещь: с учетом физиологических особенностей Санктумов им банально была нужна энергия. Как показывал их опыт, лучшего источника, чем живое существо найти сложно, а живые существа во все-

ленной – явление не такое частое. В общем, Санктумы всего-навсего использовали людей как дойных коров, но при этом все было исключительно гуманно и исключительно на добровольной основе. В общем, после лет первого восторга, Санктумы стали восприниматься, как некое досадное недоразумение в истории СолаС. Они тихо сидели себе на орбитах нескольких колоний, прекрасно отдавая себе отчет в том, что один единственный неверный шаг – и все их базы разнесут в пыль, ну и, конечно же, по мере сил оказывали СолаС различные услуги, чтобы оправдать свое существование.

Так что, в общем и в целом, Эллису вполне ясна уверенность Шат Гайлес в том, что вряд ли ей кто-нибудь откажет в посещении базы Санктумов.

Так и вышло.

– Нам дали ответ, мы идем на стыковку, – говорит Статс-прокурор.

Эллис вспоминает Лизу Карранса, и ему почему-то становится жаль, что Санктумы ответили согласием. Если бы через двадцать четыре часа от их базы остался только космический мусор, Эллис был бы удовлетворен гораздо больше.

Их корабль снова поворачивается, и теперь впереди и чуть слева становится видна яркая точка, которая растет с каждой секундой. Минут через пятнадцать точка превращается в полноценный шар, испещренный наростами шлюзов и коммуникаций, потом шар занимает весь иллюминатор, и вот, наконец, появляется шлюз, створки которого медленно открываются. Эллису они напоминают челюсти огромного хищного моллюска. Гайлес ведет корабль, Эллис вытягивает шею, но так и не может разглядеть выражения ее лица за забралом шлема. Корабль медленно входит внутрь станции, с чуть ощутимым толчком на его оболочке смыкаются захваты. Потом наступает тишина – Эллис понимает, что пропало урчание двигателей.

– Приехали, – Гайлес снимает шлем и мотает головой, ее светлые волосы тут же снова превращаются в идеальную прическу. – Можете отстегиваться.

Возвращается гравитация – лист бумаги медленно опускается на пол, Эллис опять начинает неравный бой с ремнем безопасности. Когда он поднимает голову, то с удивлением замечает, что на Гайлес уже не серый комбинезон, а военная форма темно-бордового цвета. На ее груди несколько золотых знаков различия, Эллис щурится, Гайлес замечает его взгляд.

– Не разбираетесь в воинских званиях, Эллис?

– А разве у военных прокуроров есть воинские звания?

– Есть, – отвечает Гайлес.

– А Статс-прокурор – разве не звание?

– Это должность. Точно так же, как штурман или пилот.

– Тогда почему вы носите форму такого цвета?

Этот вопрос вполне разумен: в военно-космических силах Военной Стратегии СолаС каждому званию соответствует определенный цвет формы независимо от рода войск, об остальном говорят нашивки.

– Ну, тут вы правы – военная прокуратура носит темно-бордовую форму независимо от звания. У нас все наоборот. Учитывая, что мы в основном разбираем дела наших же солдат, нам просто необходимо, чтобы что-то нас от них отличало.

– И что тогда это значит? – Эллис весьма бесцеремонно указывает пальцем на грудь Шат Гайлес.

– Статс-прокурор, – Гайлес касается знака кинжала, – место службы – Доминат, – это уже знак солнца, – полковник, – палец Гайлес перемещается на четыре золотые параллельные полосы.

– А буква «К»? – спрашивает Эллис про оставшийся знак, который она не упоминает.

– Это не нуждается в расшифровке.

Эллис замирает, потом невольно делает шаг назад. Ну, только этого еще не хватало. Класс «К» – особенная модификация, которую используют в армии. В раннем возрасте в орга-

низме человека производят генные изменения, в результате чего доводится до абсолютного совершенства реакция и быстрота движений. Таких людей называют машинами для убийства, потому что вместе в невероятной реакцией в них развивают умение убивать любым способом – и не чувствовать угрызений совести. Это несет известный побочный эффект – психика таких людей нарушена, они вспыльчивы, агрессивны, что делает их фактически непригодными для существования в нормальном обществе.

Гайлес смеется.

– Наслушались сплетен, Эллис?

Джон Эллис судорожно вдыхает. Почти не осознавая этого, он достает из кармана фляжку и делает глоток. Он вспоминает утро, то, как Шат Гайлес отослала Джека Картера просто за то, что ей не понравились его слова. И, оказывается, Картеру еще повезло, что она не проломила ему голову.

– Нет, Статс-прокурор, – сдавленно отвечает Эллис.

Конечно, он не так, чтобы очень дорожит своей жалкой жизнью, но все же... На губах Гайлес играет улыбка рептилии.

– Тогда выйдем из корабля?

Эллис кивает. Только когда Гайлес поворачивается к нему спиной, он вдруг понимает, что пил прямо при ней. А ведь и шею свернуть могла. И как-то не вяжется вспыльчивость и агрессивность, которую приписывают классу «К», с этой ее надменной отстраненностью. Эллис тайком делает еще один глоток. Гайлес выходит из шлюза, Эллис идет за ней. К своему удивлению он не чувствует никакого волнения, когда ступает на железный пол станции Санктумов.

Гравитация на станции почти такая же, как на планете, Эллис чувствует, что если она и отличается, то в меньшую сторону, потому что его походка напоминает прыжки. Желудок опять перемещается куда-то вверх, и Джон подозревает, что в скором времени он начнет настаивать на том, чтобы выбраться наружу. Они проходят в камеру внутреннего шлюза, двери за их спиной закрываются.

– Дезинфекция, – коротко говорит Гайлес, – Санктумы беспокоятся о здоровье своих домашних животных.

Эллис вдруг вспоминает интересную деталь: судя по рассказам тех, кто в списках, они заходят в какую-то камеру на планете и телепортируются прямо на станцию. Если Санктумы обладают технологией телепортации, то почему им с Гайлес пришлось лететь на корабле? От стен тянется белесый газ без запаха. Эллис решает все-таки спросить Гайлес.

– А как же телепортация, о которой говорят те, кто в списках?

– Нет никакой телепортации, – отрезает Гайлес. – Своих питомцев они усыпляют, везут в космопорт и отправляют на станцию на кораблях. Потом они просыпаются и думают, что перенеслись сюда по воле богов.

И снова Эллис вспоминает Лизу Карранса.

Створки внешнего шлюза открываются, и Эллис моргает от неожиданности. Внутри станция Санктумов разительно отличается от корабля Гайлес. По стенам плывут радужные разводы, в воздухе парит нечто похожее на клубы разноцветного дыма. Выглядит все как пейзаж кисти наркомана. Гайлес стоит на месте и ждет, Эллис замечает, что клубы тумана разлетаются в стороны, и вот в коридоре перед ними возникает несколько столбов света, внутри них шевелятся тени, похожие на долгоязыые человеческие фигуры.

– Мы рады приветствовать вас, Статс-прокурор Гайлес, – Эллис слышит голос прямо в своей голове, – вас и вашего спутника.

Что-то меняется в тенях внутри столбов света, как будто бы пришельцы склоняют головы, подражая человеческому приветствию.

– Моего спутника зовут старший следователь по особо важным делам полицейского управления области Каледония Джон Эллис, – отвечает Гайлес. – С каким домом я разговариваю?

– Дом Ка-хнар, – и снова голос звучит прямо в голове. – Мы бы хотели пригласить вас пройти по нашей станции, чтобы вы смогли получить удовольствие от ее посещения.

– Это не визит вежливости, – отрезает Гайлес, – мы можем поговорить и здесь. Меня интересует имущество вашего дома. Имя этого предмета – Лиза Карранса.

Тишина, легкое колыхание света.

– Не могла бы Статс-прокурор передать нам изображение предмета?

Судя по паузе, Гайлес делает то, что от нее просят. Потом снова тишина и колыхание фигур.

– Да, этот предмет принадлежал одному из дома Ка-хнар. Но после смерти одного из дома Ка-хнар, этот предмет был отречен и должен был окончить свое существование.

Гайлес поворачивается к Эллису, ее пальцы чуть заметно касаются золотой буквы «К» на груди, и она подмигивает. Издевается, думает Эллис.

– Этот предмет не окончил свое существование, – отвечает Гайлес. – Более того, как Статс-прокурор Военной Стратегии СолаС я уполномочена заявить о том, что на территории колонии Оранд была применена технология, которой не обладает Военная Стратегия СолаС. В соответствии с пунктом 18 пакта между Военной Стратегией СолаС и Санктумами от 503 года от Большого разделения, непредставление Санктумами информации о технологиях расценивается как прямая агрессия в отношении Военной Стратегии СолаС и влечет за собой принятие соответствующих мер со стороны Военной Стратегии СолаС.

Эллис замирает. Кажется, на его глазах вот-вот должна развязаться война.

Недолгая пауза.

– Статс-прокурор, мы уверяем вас, что Санктумы всегда были...

Станцию трясет. Разноцветные узоры на стенах на мгновение исчезают, потом возвращаются, но становятся блеклыми. Фигуры Санктумов мелькают внутри столбов света.

– Это предупреждающий удар систем планетарной обороны, следующий будет нанесен по источнику энергии, – Гайлес, кажется, даже не вздрогнула во время толчка.

Она стоит все так же ровно, без тени военной выправки, скорее как дикое животное, приготовившееся к прыжку.

– Удар такого масштаба будет, в том числе, угрожать жизни Статс-прокурора...

Гайлес хмыкает.

– Проверим? – спрашивает она.

Три фигуры в столбах света одновременно отходят на метр назад.

– Статс-прокурор может располагать всеми данными, которые есть на этой станции. Статс-прокурору достаточно только пожелать.

– Последние полтора месяца по стандартному календарю. И мне некогда разбираться в ваших данных, когда речь идет о благополучии Военной Стратегии СолаС.

Вот это уже серьезно... Эллис, кажется, не дышит. А если она действительно взорвет источник энергии? Тогда, скорее всего, мундир Гайлес волшебным образом превратится в скафандр, а Эллис будет долго и мучительно умирать от асфиксии.

Снова пауза, на этот раз длиннее, чем предыдущая.

– 8 февраля по стандартному календарю в 15:24 по единому планетарному времени нами была зафиксирована аномальная энергетическая активность на планете по координатам 27 градусов 39 минут 42 секунды северной широты 30 градусов 54 минуты 20 секунд восточной долготы. Активность продлилась три целых и две десятых доли секунды. Мы передаем данные.

– Принято, – отвечает Гайлес. – Что-нибудь еще?

Столбы света снова мерцают, в этом движении Эллису чудится отчаянье.

– Была еще одна активность со схожими характеристиками, но она относится к более раннему периоду, чем запросила Статс-прокурор...

Эллис отмечает достаточно раздражающую привычку Санктумов недоговаривать фразы.

– Тогда дождемся удара по источнику энергии и поговорим о более раннем периоде? – предлагает Гайлес.

– 1 февраля по стандартному календарю в 21:17 по единому планетарному времени, координаты 51 градус 51 минута 11 секунда северной широты 7 минут 37 секунд западной долготы. Передаем данные.

Гайлес кивает. Потом она просто разворачивается и выходит в открывшиеся перед ней створки шлюза. Эллис как можно спокойнее идет за ней. Сначала за ними закрываются внутренние створки, потом открываются внешние, Гайлес заходит на корабль. Только когда закрывается люк, Эллис вздыхает с облегчением, он достает фляжку, делает глоток... и обнаруживает, что ее содержимое подошло к концу.

– Черт... – ругается Эллис.

Гайлес оборачивается.

– Через полтора часа мы будем на планете, там вы сможете восполнить свой запас.

Эллис кивает и уже знакомой дорогой идет к рубке. Гайлес снова садится в пилотское кресло, и они отстыковываются от станции, на этот раз без обмена любезностями с диспетчерами. Когда снова наступает невесомость, Эллис ее не ощущает, корабль разворачивается, в головном иллюминаторе снова появляется планета. Эллис не смотрит. Он закрывает глаза и молится о том, чтобы Санктумы не решились превратить их маленький корабль в пыль. Почему-то Эллис уверен в том, что они на это способны.

Когда они приземляются, над космопортом уже сгущается вязкая экваториальная тьма. Сверхзвуковой шаттл доставляет их в Дориак, на крышу главного полицейского управления Каледонии. В Каледонии градусов десять выше нуля и идет дождь. Эллис неуверенно останавливается посреди посадочной площадки. Гайлес, на которой снова серый комбинезон, стоит под дождем. Она поднимает голову и смотрит в темноту. Только теперь Эллис замечает на ее лице следы усталости.

– Для вас подготовлен номер в лучшем отеле Дориака. Я могу вас проводить.

– Не стоит, Эллис, – отвечает Статс-прокурор. – Я доберусь. Встретимся завтра в восемь утра.

Эллис смотрит на часы – второй час ночи.

– Хорошо, – отвечает он и идет в сторону лифта.

Шат Гайлес остается стоять под холодным морозящим дождем.

МАРТ 531 ГОДА ОТ БОЛЬШОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

Колония Военной Стратегии СолаС Оранд, куб 23

Дориак, область Каледония

В восемь утра Джон Эллис сидит в комнате для совещаний на двадцать втором этаже главного полицейского управления Каледонии. Перед ним на столе стоит бумажный стакан с кофе, второй стакан он принес для Шат Гайлес. Он не знает, какой кофе она предпочитает, так что принес просто черный кофе без сливок и сахара. Шат Гайлес не появляется. Эллис уже выпил свой кофе, он смотрит на кофе Гайлес, решает, что тот безнадежно остыл, и принимается за него. На часах восемь тридцать. Статс-прокурор не появляется. Без пятнадцати девять Эллис уже всерьез беспокоится, в пятнадцать минут десятого он приходит к выводу, что Статс-прокурор решила покинуть их планету, чтобы заняться более важными вопросами, дело Тео-

дора Верца можно спокойно причислить к «висякам», а про космический полет рассказывать коллегам за стаканом пива. Но тут дверь открывается, и в комнату входит Шат Гайлес.

– Прошу прощения, я изучала ваши внутренние архивы.

– Доброе утро, – отвечает Эллис.

Гайлес садится за стол, снова придвигает к себе стопку бумаги и ручку.

– Я проанализировала информацию, которую представили мне Санктумы, и нашла кое-что интересное.

Вообще очень странно, Статс-прокурор, что вы делитесь со мной своими мыслями, думает Эллис.

– Что-то не так? – Гайлес смотрит на него.

– Нет, все в порядке. Так что именно вас заинтересовало?

– Координаты, которые дали мне Санктумы. Я имею в виду 1 февраля.

1 февраля? Насколько знает Эллис, в это время Теодор Верц находился в полном здравии.

– И что там?

Гайлес кивает на экран. Эмблема полицейского управления Каледонии сменяется записью с камеры видеонаблюдения. Запись неважная, но подробности все же можно разглядеть. На мосту над магистралью стоит девушка, она стоит так несколько минут, потом перегибается через парапет и бросается вниз.

– Это Лиза Карранса. Она хотела покончить с собой в соответствии с обычаями Санктумов, она бросилась с моста над автомагистралью, ее падение спровоцировало аварию. Она, как вы знаете, осталась жива, в соответствии с медицинскими записями ей пересадили сердце одного из погибших.

Эллис щурится.

– И место ее падения в точности совпало с координатами, которые передали вам Санктумы?

– Да.

– А что по поводу самой Лизы? Они так и не ответили вам, имеет ли она какое-то отношение к этим событиям.

– Не думаю, что имеет, – отвечает Гайлес, – для них она даже не человек, а «предмет». Им и в голову не пришло бы, что она может иметь какую-то ценность.

– А что тогда может иметь ценность?

В принципе, Эллис уже понимает, куда клонит Статс-прокурор.

– Меня заинтересовал другой участник этой истории – тот, чье сердце Теодор Верц пересадил Лизе Карранса. Момент вспышки, зафиксированной Санктумами, произошел позже, чем падение Каррансы, но он полностью совпадает с моментом смерти одного из участников аварии.

– И кто это?

– Некто Франц Госсарт.

На экране появляется лицо. Высокий лоб, очки (что странно в век, когда любой физический недостаток можно исправить трехминутной операцией), редкие волосы зачесаны на лысину, на лице глупая улыбка.

– И что это за новый участник спектакля? – Эллис машинально отпивает кофе из стакана и морщится – жидкость холодная и омерзительная на вкус.

– Франц Госсарт прибыл на Оранд 25 января на транспортном корабле «Кабирия». В иммиграционной карте как причину прилета указал желание иммигрировать на Оранд. Согласно данным, которые он представил: родился в 488 году на Алиноре-11, специальность – сварщик, не женат, детей нет, представил финансовое обеспечение на срок шесть месяцев, по данным единой информационной системы привлечений к ответственности за правонарушения

не имеет, военную службу не проходил, в базе вооруженных сил Военной Стратегии СолаС не числится. В общем, достаточно бледная биография.

– Угу, – Эллис внимательно смотрит на фотографию на экране. – А где находится Али-нор-11?

– В четырнадцатом кубе пространства СолаС.

Эллис многозначительно кивает головой.

– Что? – Гайлес резко поворачивается к нему.

– Да ничего особенного. Просто Оранд находится в двадцать третьем кубе, перелет сюда из четырнадцатого куба обойдется в весьма существенную денежную сумму.

– И что?

– И еще финансовое обеспечение на полгода. Откуда у скромного сварщика такие средства?

Гайлес усмехается. Достойно, думает Эллис, по крайней мере, она способна признавать свои ошибки.

Фотография на экране сменяется чередой цифр.

– Судя по его налоговой декларации, он получил наследство.

Ах да, конечно. Эллис продолжает смотреть на экран.

– В госпитале Святой Елены в обязательном порядке делают копию тел до того, как отправляют их на утилизацию. Я запросила копию и взяла на себя смелость пригласить местного патологоанатома для проведения повторного вскрытия.

– Прошу прощения? – Эллис непонимающе смотрит на Гайлес.

– Что вас смущает на этот раз?

– Как можно провести повторное вскрытие, если его уже утилизировали?

Статс-прокурор криво улыбается.

– Не слышали про 3-D печать, Эллис? Технология-то старая, но зарекомендовала себя хорошо.

Эллис слышал, но не предполагал, что это может быть использовано в таких целях.

Джон Эллис стоит в импровизированном морге, организованном специально к прибытию Статс-прокурора. В большом холодильнике у стены все еще находится тело Теодора Верца, но это Эллиса сейчас волнует меньше всего. Он замороженно смотрит, как 3-D принтер медленно печатает человеческое тело. Он начинает со стоп, потом с убийственной методичностью поднимается выше, и вот Эллис уже смотрит на голову Франца Госсарта в разрезе. Минут через пять принтер завершит свою работу по воскрешению уничтоженного трупа. Эллис поворачивается и смотрит на патологоанатома, им оказывается невысокая молодая девушка по имени Марийон Келнар. Эллису приходилось несколько раз с ней сталкиваться – действительно толковый специалист, но вряд ли присутствие Статс-прокурора положительно скажется на ее профессиональных качествах.

– Вы точно хотите присутствовать? – спрашивает Эллис у Шат Гайлес.

Его вопрос, видимо, отвлек ее от чего-то, потому что она резко поворачивается к Эллису и переспрашивает:

– Что-что?

– Вы точно хотите присутствовать при вскрытии, Статс-прокурор? Я спрашиваю, потому что это не самое приятное зрелище.

– А... – Гайлес отмахивается от него, и ее взгляд снова становится стеклянным.

Вероятно, в военной прокуратуре есть дела поважнее убийства Теодора Верца и занимательного процесса печати человеческого тела.

Принтер заканчивает свою работу.

– Я могу приступить? – спрашивает Келнар.

Гайлес молчит.

– Приступайте, – отвечает за нее Эллис.

Келнар подходит к столу, вздыхает, включает запись.

– Мужчина, рост 182 сантиметра, вес 73 килограмма....

Дальше Эллис не слушает, его не особенно интересуют подробности анатомии Госсарта. Он достает сигарету, закуривает и отворачивается, рассматривает свое отражение в стекле шкафа. Зачем Статс-прокурор здесь находится? Ведь она может потом за десять секунд ознакомиться с протоколом вскрытия и даже посмотреть запись, если что-то покажется ей особенно интересным. Хотя нужно все-таки отдать ей должное – этого странного Госсарта она вычислила быстро. Гайлес, казалось, читает его мысли и медленно обходит вокруг стола, рассматривая тело. Эллис наблюдает за ее отражением в зеркале. Что она пытается там увидеть? Обыкновенное тело после автомобильной аварии: лицо разбито, шея сломана, руки и ноги в порезах. Гайлес подходит к Эллису.

– К сожалению, я вынуждена на некоторое время отложить это расследование. Встретимся завтра утром.

С этими словами Статс-прокурор Гайлес выходит из морга. Эллис оборачивается и смотрит на Келнар.

– Мне продолжать? – спрашивает она.

Эллис поднимает руки. Делай, что хочешь... Он возвращается в комнату для совещаний и распечатывает фотографию Франца Госсарта.

Какой-то этот Госсарт подозрительно везучий: получил наследство, которого хватило на космический перелет, да еще и на то, чтобы развлекаться на другой планете в течение полугода.

Пока Статс-прокурор Военной стратегии СолаС Шат Гайлес обходит вокруг тела Франца Госсарта, она почти не обращает внимания на то, что происходит на столе – ее мысли действительно далеки от происходящего. Но вот она замечает на левом предплечье Госсарта кое-что, что заставляет ее остановиться. Три небольшие параллельные линии, длиной всего несколько миллиметров. Похоже на шрамы. Гайлес замирает, но только на долю секунду, так что ни Эллис, ни патологоанатом этого не замечают. Она продолжает идти, но перед глазами все еще стоят эти три линии. Три параллельные линии длиной в два миллиметра – двадцать лет назад такие следы оставляли поддерживающие чипы межпланетных перелетов высокой дальности на кораблях Альдебаранской Империи.

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ СолаС

ИНСТРУКЦИЯ 157

ДЕЙСТВИЯ ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ВРАГА В ТЫЛУ

В случае обнаружения присутствия/подозрения на присутствие солдат Альдебаранской Империи на территории Военной Стратегии СолаС, отнесенной к тыловым планетам, обнаружившему предписывается сообщить об этом в ближайший штаб представительства военных сил в кратчайший срок. Несообщение о факте обнаружения врага приравнивается к государственной измене и подлежит рассмотрению на военном трибунале Военной стратегии СолаС.

МАРТ 531 ГОДА ОТ БОЛЬШОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

Доминат Военной Стратегии СолаС, куб 1

Зал Маршалских собраний Военной Стратегии СолаС

Шат Гайлес стоит посреди огромного амфитеатра, трибуны которого поднимаются высоко вверх. Слава богу, сегодняшнее заседание закрытое, поэтому сейчас только первый ряд трибун занят людьми в белых мундирах – цвет маршалов Военной Стратегии СолаС. Гайлес как всегда мысленно пересчитывает их и называет по именам, это обычно ее успокаивает. Физически она все еще находится на Оранде, но ее голограмма, одетая в безупречный бордовый мундир военной прокуратуры, сейчас стоит посреди зала Маршалских собраний в столице Военной Стратегии СолаС Доминате.

– Статс-прокурор полковник Гайлес.

– Да, сэр, – Шат Гайлес вскидывает голову.

– Что вы можете сообщить Маршалскому собранию относительно инцидента в колонии Оранд?

– На текущий момент, сэр, мне не удалось обнаружить альдебаранского следа в инциденте на Оранде. От Санктумов я получила информацию об энергетических возмущениях на планете, характеристики которых полностью совпадают с аналогичными возмущениями на планете Акрополь в 128 кубе, зафиксированными средствами слежения за неисследованным пространством 13 сентября 514 года от Большого разделения.

– Вы говорите о деле «Акрополь», Статс-прокурор?

– Да, сэр.

– То есть, по вашему мнению, инцидент на Оранде имеет отношение к этому делу?

– Да, сэр, я считаю, что события в колонии Оранд связаны с делом «Акрополь».

– Что вы намерены предпринять?

– Я намерена определить источник, вызвавший энергетические возмущения.

– Как именно?

– Энергетические возмущения зафиксированы как в момент самого инцидента, так и неделей ранее. Я намерена подробно исследовать первую из вспышек, так как, по моему мнению, она является более важной.

– Хорошо, Статс-прокурор.

– Сэр...

– Что-то еще, Статс-прокурор?

– Я прошу оставить данное дело в ведении Военной прокуратуры в связи с возможной связью с делом «Акрополь». И я подаю прошение о возможности активации протокола R в отношении колонии Оранд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.